

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

Индекс УДК 37.035.6

Код ГРНТИ 11.01.39

DOI: 10.22204/2587-8956-2023-113-02-49-60

**Я.Ю. ШАШКОВА,
С.Ю. АСЕЕВ***

Соотношение структуры идентичности и моделей патриотизма у старших школьников сибирских регионов

Статья посвящена анализу взаимосвязи структуры идентичностей и моделей патриотизма в сознании школьников регионов Сибирского федерального округа (СФО). Теоретической основой исследования послужили концепт «матрёшки» идентичностей и теории патриотизма, рассматривающие его проявления как дихотомии «слепого» и «конструктивного», «эмоционального» и «деятельностного» типов. Эмпирической базой исследования стали результаты лонгитюдных опросов учащихся 9–11-х классов, проведённые в 2020 г. в 10 регионах и в 2022 г. в четырёх регионах СФО. Применение кластер-анализа позволило разделить изучаемую совокупность на четыре кластера: кластер «слепого», «деятельностного» патриотизма с сильной институциональной компонентой, «конструктивных» патриотов, «лоялистов» и «молчунов», а также определить соответствующее каждому кластеру сочетание идентичностей и проследить их динамику. В результате были сделаны выводы о снижении влияния фактора идентичности на размежевание молодёжи по отношению к патриотизму и возможности сведения обозначенных размежеваний к базовому противопоставлению «патриотов» и «непатриотов».

Ключевые слова: патриотизм, патриотические ценности и установки, идентичность, школьники, молодёжь

* **Шашкова Ярослава Юрьевна** — доктор политических наук, профессор кафедры философии и политологии института гуманитарных наук Алтайского государственного университета (АлтГУ), руководитель проекта «Фактор патриотического воспитания в конструировании гражданской идентичности старших школьников регионов Сибирского федерального округа в условиях информационного общества» (20-011-00346).

E-mail: yashashkova@mail.ru

Асеев Сергей Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и политологии института гуманитарных наук АлтГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: suass@mail.ru

С тановление политического сознания современных школьников происходит в условиях, принципиально отличных от тех, что были у предыдущих поколений. Цифровое общество нивелирует коммуникативные и пространственные границы, интенсифицирует мобильность молодёжи, что актуализирует вопрос соотношения идентичностей у этой социальной группы, места в их иерархии национально-государственных ориентаций. Одним из средств формирования идентичностей молодых людей выступает патриотическое воспитание, имеющее глубокие отечественные исторические традиции и сегодня фактически заменившее собой гражданское образование и воспитание. В условиях усиления внимания к патриотическому воспитанию на фоне нарастания внешнеполитической конфликтности возникает необходимость оценить эффективность усилий, предпринимаемых государством в данной сфере, в частности применительно к регионам Сибирского федерального округа (СФО).

Для достижения этой цели в статье ставятся задачи охарактеризовать структуру идентичностей учащихся старших классов регионов СФО, определить её соотношение с патриотическим самоопределением и типами патриотических установок школьников, выявить степень и характер динамики связи этих параметров в новой политической ситуации и при сокращении возможностей внешней миграции для российской молодёжи.

Теоретические основания исследования

Патриотизм имеет длительную традицию изучения и в XXI в. всё также рассматривается как консолидирующая национальная идея, альтернативная глобалистским и мультикультуралистским тенденциям [1]. На основе анализа общественного мнения в развитых странах Г. Ариэли констатирует отрицательную связь между глобализацией и уровнем патриотизма [2], поскольку глобализация и цифровое об-

щество создают условия для появления виртуальных социально-политических и наднациональных идентичностей, нивелируют значимость концепта «патриотизм» и размывают его традиционное содержание [3, 4]. С другой стороны, в современных зарубежных исследованиях патриотизм нередко отождествляется с национализмом, который, в свою очередь, выступает одним из оснований идентичности [5]. С этих позиций патриотические ценности и установки изучаются не только во взаимосвязи с национализмом, но и в контексте конфликтов идентичностей [6, 7], межрелигиозных, социально-политических и межнациональных противостояний [8, 9]. Этим же можно объяснить и слабое внимание учёных к «локальному патриотизму», поскольку в ситуации преобладания локальной идентичности патриотизм может рассматриваться как источник угрозы сепаратизма [10].

В то же время лишь отдельные авторы раскрывают содержание концепта «патриотизм» [11], большинство сосредоточивает своё внимание на характеристике его различных моделей, среди которых преобладает деление патриотизма на «слепой – конструктивный» и «пассивный (созерцательный) – активный (деятельный)» [12–14].

Соответственно и патриотизм молодёжи чаще всего изучается в контексте её ценностной модели и приоритетов формирования национально-государственной идентичности [15, 16]. При этом объектом исследования работ, выполненных на основе региональных и локальных кейсов, выступает степень распространения патриотизма в сознании различных сегментов молодёжи [17, 18], оставляя за скобками изменение соотношения в молодёжной среде различных типов патриотизма. Ещё реже поднимается проблема связи патриотизма с идентичностью в молодёжной среде [19].

Теоретической основой концептуальной модели авторов выступило представление об идентичности как сложной, открытой, многоуровневой системе, где уровни взаи-

модействуют и дополняют, а не исключают друг друга. Каждый человек ощущает свою принадлежность не к одной, а к нескольким группам. Он одновременно может быть и гражданином, и членом партии, и сторонником определённых идеологических взглядов, и представителем этнических и социальных групп и др. Это свойство идентичности И.С. Семененко образно сравнивает с «матрёшкой», где локальная (этническая) идентичность «вкладывается» в региональную, а та, в свою очередь, интегрируется в гражданскую (национальную) [19].

В проведённом исследовании авторы использовали семиуровневую иерархию идентичностей, выделив в ней глобальный, национально-государственный, макро-региональный (сибирский), региональный, локальный, этнический и конфессиональный уровни. Так как распространённость последнего в молодёжной среде регионов СФО оказалась в пределах статистической погрешности, она была исключена из анализа.

Также мы использовали конструктивистскую парадигму, представители которой считали, что восприятие окружающего мира есть продукт социального конструирования [20]. С этих позиций патриотическое воспитание есть способ целенаправленного формирования государственно одобряемых и/или социально значимых качеств гражданина и связанных с ними социальных и политических норм, ценностей и образцов поведения; а также инструмент групповой идентификации индивидов в соответствии с запросами государства и общества [21, 22].

Характеристика исследования

Для решения поставленных задач в 2020 и в 2022 гг. были проведены эмпирические исследования патриотических ценностей и установок, их места в политическом сознании школьников 9–11-х классов регионов Сибирского федерального округа. Исследования проводились по лонгитюдной методике, метод сбора данных – анкетирование. В 2020 г. объём выборки со-

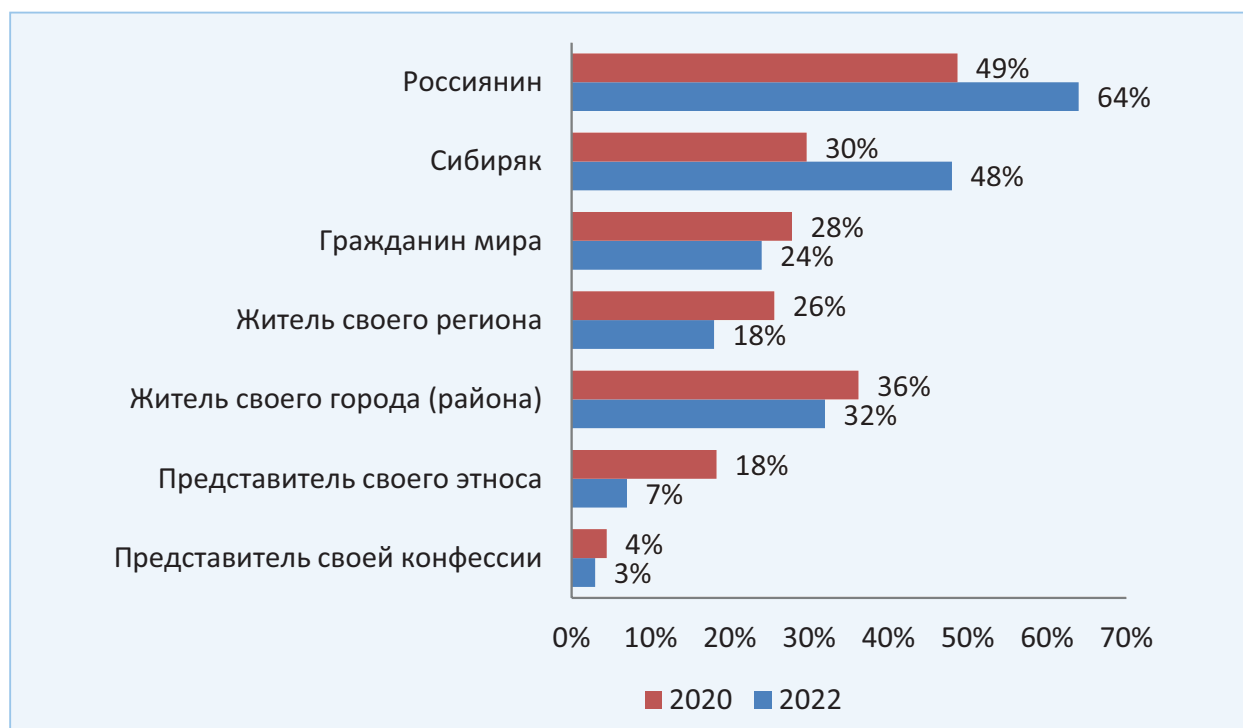
ставил 2050 школьников из 10 регионов СФО (Алтайского, Красноярского краёв, Иркутской, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской областей, Республик Алтай, Хакасия и Тыва). В 2022 г. – 1050 учащихся из Алтайского края, Кемеровской, Новосибирской областей и Республики Алтай. Выборка квотная с контролем признаков возраста, типа населённого пункта и региона проживания. Для повышения репрезентативности результатов сравнения мы осуществили корректировку выборки 2020 г., в ходе которой сформировали подвыборку из респондентов четырёх регионов, опрошенных в 2022 г.

Результаты и их обсуждение

В 2020–2022 гг. произошла существенная трансформация иерархии идентичностей в сознании старшеклассников. Так, в 2022 г. 64% респондентов идентифицировали себя как россиян (рост на 15%), с 30 до 48% выросла самоидентификация в качестве «сибиряков». Обратная тенденция характерна для других видов идентичностей: на 4% сократилось число носителей локальной и глобальной («граждане мира») идентичностей (с 36 до 32% и с 28 до 24% соответственно); ещё сильнее уменьшилось число обозначивших себя как «житель региона» (с 26 до 18%) и «представитель своего этноса» (с 18 до 7%) (ил. 1).

Их сочетание отражает усложнение структуры идентичностей старшеклассников, когда национально-государственная идентичность стала значимым элементом самоопределения во всех остальных группах. Например, около 70% «сибиряков», «регионалов» и «локалов» отнесли себя и к «россиянам». Таковыми себя посчитала и половина «глобалистов». В качестве факторов формирования национально-государственной идентичности респонденты указывали общее государство (20%), родную землю/территорию (11%), родной язык (9%), ответственность за судьбу страны (8%) и общую культуру (7%).

На этом фоне в целом по выборке патриотами себя посчитали 47% респонден-

Ил. 1. Динамика идентичностей старшеклассников СФО, 2020 и 2022 гг.

тов в 2020 г. и 62% — в 2022 г., при росте на 13–18% по всем категориям идентичностей.

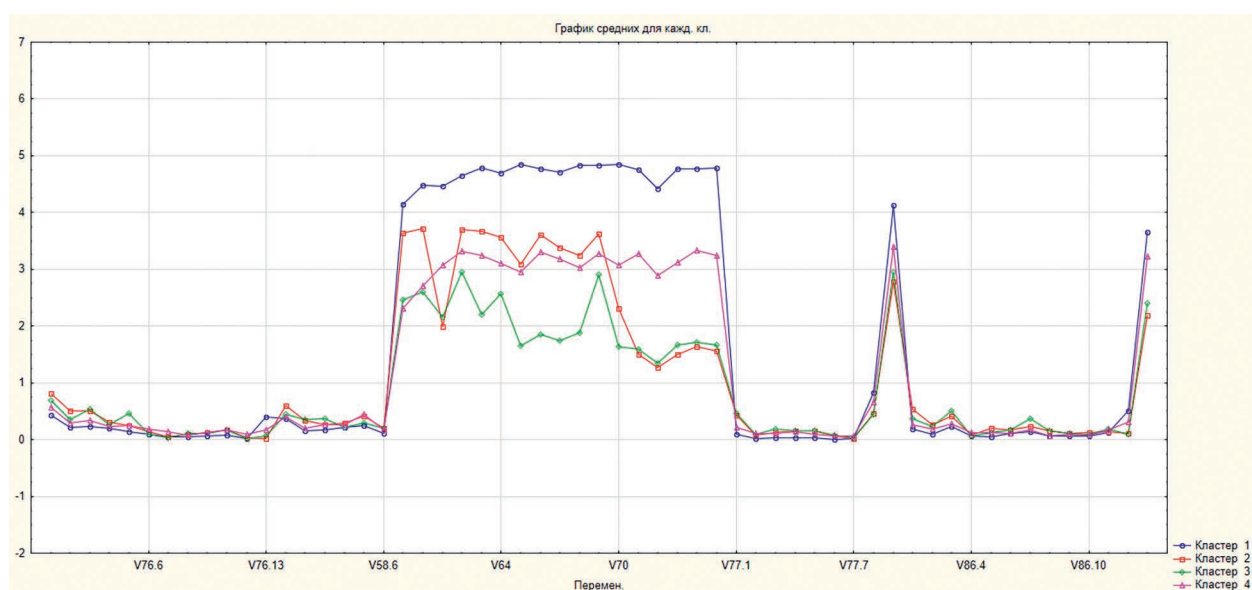
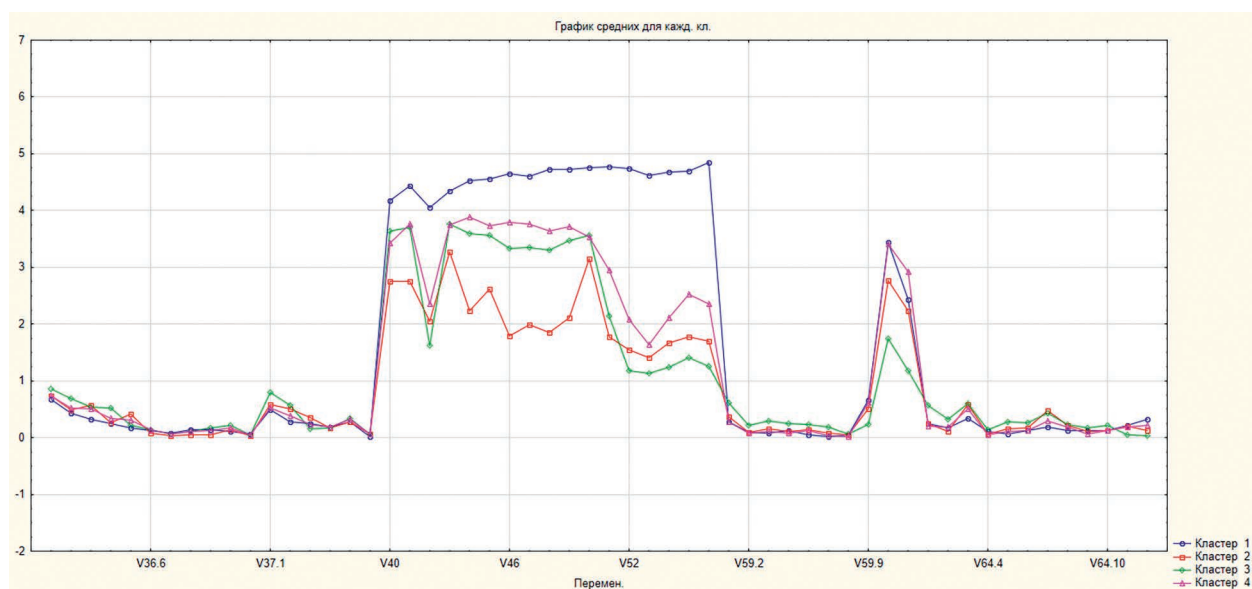
Кроме того, за исследуемый период в молодёжном сознании изменилось соотношение двух основных компонентов патриотизма: эмоционального и деятельностного. При сохранении абсолютного доминирования эмоциональной трактовки патриотизма как «любви к своей родине» (77% в 2022 г.) произошла актуализация его деятельностных компонентов – в среднем на 17% возросла готовность старшеклассников «работать и действовать на благо своей страны» (2022 г. — 57%), на 8% — готовность «защищать свою страну» (38%) и «стремиться к изменениям» (53%).

Применение кластерного анализа к данным опросов 2020 (ил. 2) и 2022 гг. (ил. 3) показало размежевание старших школьников регионов СФО по их патриотическим ценностям и установкам в разрезе преобладающего типа идентичности на 4 кластера.

Устойчивые позиции занимает кластер с синтезом «слепого», «деятельностного» патриотизма и сильной институциональной компоненты (кластер 2 — в 2020 г.,

кластер 3 — в 2022 г.). У его членов доминирующая национально-государственная идентичность совмещается с макрорегиональной («сибиряки») и локальной с добавлением к ним в 2022 г. носителей этнической идентичности. Сближение позиций «локалов» и «этников» во многом объясняется отсутствием у них установок не только на внешнюю, но и на внутреннюю миграцию, в связи с чем они пытаются самореализоваться в своей среде проживания. Доля кластера в выборке составила 40% в 2020 г. и 37% — в 2022 г.

В сознании старшеклассников данной группы сформировано чёткое представление о патриотизме (почти не затруднялись ответить), который у них чаще, чем в других кластерах, ассоциировался с любовью к своей стране, готовностью действовать для её блага и процветания, защищать её от любых нападков и обвинений, а также с формальными признаками — готовностью работать в патриотических организациях и праздновать исторические события/юбилеи (ил. 4–6). Также, по их мнению, патриот должен знать государственную символику, происходящие

Ил. 2. График средних для кластеров, 2020 г.¹

Ил. 3. График средних для кластеров, 2022 г.

в стране события и интересоваться ими, испытывать любовь и уважение к своему языку и культуре, чувства гордости за достижения своей страны на международной арене и привязанности к «малой родине», чувство солидарности и благожелательности к соотечественникам. В 2022 г. к этим признакам добавились усиление

«державности» (требование «считать, что твоя страна лучше, чем другие страны») и готовность поддерживать государственную политику в этом направлении.

Члены данного кластера в основном посчитали себя патриотами и продемонстрировали высокую степень инкорпорации в систему патриотического воспитания

¹ На графике средних на оси X располагаются центроиды кластеров по анализируемым переменным, на оси Y — значения анализируемых переменных, измеренные через средние арифметические.

Ил. 4. Празднование Дня российского флага. Фото со страницы Алтайпатриотцентра

https://vk.com/photo-185319794_457241328

(именно они в течение всего изучаемого периода в основном посещали историко-патриотические и школьные музеи, принимали участие в военно-спортивных играх, фестивалях и конкурсах по патриотической тематике, а в настоящее время включились в работу патриотических клубов, приобретают книги патриотической направленности). Новые условия сделали их ещё более консолидированными в положительной оценке текущего состояния России как великой державы.

Руководствуясь своими критериями патриотизма, они в основном делают упор на институциональные механизмы и средства формирования патриотических ценностей: необходимость патриотического воспитания в семье и образовательных учреждениях, развитие системы патриотических организаций, историко-культурных центров и музеев, проведение игр и «зарниц», усиление пропаганды патриотизма в СМИ, кинематографе и культурно-развлекательном контенте. Рост прагматизма молодёжи в сочетании с поиском ею ресурсных возможностей привели к тому,

что в 2022 г. указанные средства опередил фактор улучшения условий жизни населения, дополняемый запросом на повышение авторитета армии, финансирование мероприятий патриотической направленности и их участников.

В кластер «конструктивного» патриотизма вошли респонденты с «глобальной» идентичностью, которая сочетается с национально-государственной и макрорегиональной (кластер 3 в 2020 г. и кластер 2 в 2022 г. — по 30% от выборок). В соответствии с классической моделью «конструктивного» патриотизма быть патриотом для них означает стремиться к изменению положения дел в стране, говорить о своей стране правду, какой бы горькой она ни была, публично высказывать мнение, не совпадающее с точкой зрения государства, критиковать власть своей страны и поддерживать перемены в интересах общества. Позиционирование себя как «граждан мира» предопределяет признание участниками кластера права патриота на наличие второго гражданства, счетов и имущества за рубежом, работу в иностранной фирме.

Кроме того, придавая патриотизму больше эмоциональный характер, они не видят противоречия с ним абсентеистской модели поведения: допускают для патриота уклонение от службы в армии и от уплаты налогов, отказ от участия в выборах, незнание истории своей страны.

В новых условиях представители этого кластера демонстрируют рост информационной «закрытости», исключая из перечня признаков патриота участие в обсуждении патриотических тем (отмечалось в 2020 г.) и работу в патриотических организациях, но добавляя к ним допустимость переезда в другую страну. Наибольшие трансформации претерпело отношение «глобалистов» к таким проявлениям патриотизма, как знание государственной символики и происходящих событий, чувство гордости за достижения страны на международной арене, любовь и уважение к своему языку и культуре, чувство привязанности к «малой родине», чувство солидарности и благожелательности к соотечественникам. К концу 2022 г. их значимость

для этой группы снизилась, притом что в 2020 г. она находилась на уровне предыдущего кластера.

Респонденты данной категории ограничивают участие в патриотическом воспитании посещением историко-патриотических и школьных музеев, выставок и приобретением книг патриотической направленности, а при оценке уровня своего патриотизма чаще выбирают ответы «скорее патриот» и «скорее не патриот». Они ставят под сомнение текущий государственный статус России, однако допускают его достижение в ближайшей перспективе. Для формирования у молодёжи патриотических ценностей и установок считают необходимым поднимать престиж страны в мире, улучшать условия жизни населения и организовывать досуг молодёжи, в то время как институциональные средства относят к неэффективным.

Кластер «лоялистов» составили в большей степени носители локальной идентичности, сочетающейся с общероссийской и сибирской самоидентификацией (клас-

Ил. 5. Акция «Блокадный хлеб», Республика Алтай. Фото со страницы БУ РА «Центр молодёжной политики, военно-патриотического воспитания и допризывной подготовки граждан в Республике Алтай»

https://vk.com/photo-29190721_457258601

Ил. 6. Спортивно-патриотическая акция, Республика Хакасия. Фото со страницы Регионального центра военно-патриотического воспитания «АВАНГАРД» Республики Хакасия

https://vk.com/public210963835?z=photo-139588688_457254252%2Fwall-210963835_159

теры 4 в 2020 и 2022 гг.). По своим установкам это прагматики, которые не имеют возможности выехать из региона, потому сосредоточены на собственных потребностях и стремятся к созданию комфортной среды проживания. В 2022 г. их численность возросла до 25% с 17% в 2020 г.

По патриотическим установкам «лоялисты» ближе к кластеру «слепого» патриотизма: чаще других считают, что патриот должен служить в армии, платить налоги, участвовать в выборах, «считать, что у твоей страны нет недостатков» и «ругать всё зарубежное». В 2022 г. этот перечень существенно расширился запретами для патриота иметь имущество за рубежом, второе гражданство, работать в иностранной фирме, высказывать точку зрения, не совпадающую с государственной, критиковать власть своей страны.

В то же время модель патриотизма этой группы отличается внутренним противоречием: патриоту не обязательно знать государственную символику и происходящие в стране события, любить и уважать свой язык и культуру, гордиться достижениями страны на международной арене, испытывать чувства привязанности к «малой ро-

дине» и солидарности к соотечественникам; допускается желание переехать в другую страну.

К «глобалистам» данный кластер приближает критичное отношение к «державнической» риторике (положение России в мире они оценивают как «никогда не была и не будет великой державой» и/или «навсегда перестала ею быть»), низкий уровень оценки себя как патриотов в сочетании с высоким уровнем абсентеизма по отношению к патриотическим мероприятиям (если участвовали, то чаще всего в фестивалях и конкурсах). Как и «глобалисты», эти респонденты отрицают институциональные и пропагандистские средства формирования патриотизма, а ресурсы предлагают направить

на улучшение условий жизни населения.

Последний кластер (кластеры 1 в 2020 и 2022 гг.) интересен значимой количественной (сокращение с 13 до 8%) и качественной трансформацией в условиях новых вызовов и усиления патриотической работы в молодежной среде. Его членов можно условно обозначить как «самоисключившиеся» или «молчуны», так как по большинству критериев патриотизма они отметили вариант «затрудняюсь ответить», либо не имея четкого представления по изучаемой проблеме, либо скрывая свою позицию. Единственными исключениями в 2020 г. стали более редкие, чем у других кластеров, но всё же отмеченные требования к патриоту «любить свою страну» и «работать и действовать во благо/для процветания своей страны». В 2022 г. данный кластер сместился в сторону «лоялистов», включив в свой образ патриота имитационно-конъюнктурные требования «считать, что у твоей страны нет недостатков», «ругать всё зарубежное», участие в работе патриотических организаций и обсуждении патриотических тем. Это можно объяснить уходом из ранее популярной в молодежной среде категории «конструктивных»

патриотов ситуативных/конъюнктурных сторонников, перешедших в новых условиях в кластер «молчунов», что придало последнему большую дисперсию.

Показательно, что количество результативных ответов о нормативных качествах патриота у респондентов этой группы снижается по мере продвижения по шкале. Особенно это касается чувства гордости за достижения страны на международной арене, любви и уважения к своему языку, культуре, знания происходящих в стране событий и интереса к ним, чувства привязанности к «малой родине» и чувства солидарности с соотечественниками.

В пользу обозначения этого кластера как «самоисключившихся» или «молчунов» говорит максимальный из всех групп уровень неучастия его представителей в патриотических мероприятиях, их однозначная идентификация себя как непатриотов и отсутствие видения или желания искать пути, средства формирования патриотических ценностей среди молодёжи, не давая ответ на этот вопрос или указывая, что патриотизм не нуждается в целенаправленном формировании.

По типам идентичностей в данный кластер попали респонденты с локальной и национально-государственной самоидентификацией.

Заключение

По результатам проведённого исследования можно сформулировать ряд выводов.

В современных условиях наблюдается общая тенденция роста патриотической самоидентификации молодёжи, обусловленная как консолидацией общества на фоне геополитических трансформаций, так и усилением патриотической работы в учреждениях образования. В то же время авторами установлено устойчивое размежевание учащихся старших классов на четыре сегмента в зависимости от их восприятия патриотизма: сторонников «слепого деятельности» и «конструктивного» типов, «лоялистов» и «молчунов». При этом зна-

чимая динамика численности и патриотических установок прослеживается только среди последних, что позволяет, опираясь на тезисы Р. Инглхарта и К. Вейцеля [23], сделать вывод об отсутствии существенных трансформаций образа патриотизма в сознании российских старшеклассников.

Происходящее усиление государственной политики в сфере патриотического воспитания вызвало рост вовлечённости старшеклассников в мероприятия патриотической направленности, однако среди носителей глобальной и этнической идентичностей проявляется отрицательная динамика по этому параметру. Если у первых она обусловлена осознанным самоустранением из сферы патриотического дискурса, то у «этников» – исчерпанием потенциала патриотического активизма, так как они раньше и интенсивнее других групп молодёжи были вовлечены в сферу патриотки, о чём свидетельствуют более высокие проценты их участия в различных формах патриотического воспитания в 2020 г.

Несмотря на то, что кластерный анализ показал некоторую зависимость патриотических ценностей и установок от структуры идентичностей учащихся старших классов, последняя не выступает значимым маркером размежевания молодёжной среды по вопросам патриотизма. Это связано с широким распространением среди молодёжи национально-государственной идентичности, а также с динамикой установок носителей региональной и локальной идентичностей. Среди первых в 2022 г. снизилась поддержка черт «конструктивного» и «формального» патриотизма, а среди вторых было преодолено противопоставление «большой» и «малой» Родины, сформировалось представление о патриотизме как единой многогранной категории. В условиях геополитической конфронтации на первое место выходят отношение школьников к внешней политике России и оценка её места в мире, которые и формируют основное размежевание современной российской молодёжи на патриотов и непатриотов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Титов В.В. К вопросу о конструировании национально-гражданской идентичности российской молодёжи в цифровую эпоху // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 57. С. 257–264. DOI: 10.17223/1998863X/57/24.
2. Ariely G. Why does patriotism prevail? Contextual explanations of patriotism across countries // Identities. 2017. № 3. P. 351–377. DOI: 10.1080/1070289X.2016.1149069.
3. Lu J. The Internet as a Context: Exploring Its Impacts on National Identity in 36 Countries // Social Science Computer Review. 2019. Vol. 37 (6). P. 705–722. DOI: 10.1177/0894439318797058.
4. Erez L., Laborde C. Cosmopolitan Patriotism as a Civic Ideal // American Journal of Political Science. 2020. № 64. P. 191–203. DOI: <https://doi.org/10.1111/ajps.12483>.
5. Калхун К. Национализм. М.: ИД «Территория будущего», 2006.
6. Козырев Г.И. Патриотизм и антипатриотизм как причины конфликта идентичностей в современном российском обществе // Социология. 2020. № 2. С. 128–142.
7. Dirksmeier P. The relationship between patriotism and regional identification: a cross-country analysis // The Annals of Regional Science. 2022. DOI: 10.1007/s00168-022-01167-1 URL: https://www.researchgate.net/publication/362773749_The_relationship_between_patriotism_and_regional_identification_a_cross-country_analysis (дата обращения: 03.04.2023).
8. Вагина В.О. Патриотизм vs национализм в современном российском обществе // Caucasian Science Bridge. 2021. Т. 4. № 2 (12). С. 155–159. DOI: 10.18522/2658-5820.2021.2.15.
9. Курносков К.В. Влияние патриотизма на предотвращение социально-политических конфликтов в современной России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. Т. 3. № 7. С. 108–113. DOI: 10.34684/ek.up.p.r.2020.07.03.013.
10. Huddy L., Del Ponte A., Davies C. Nationalism, Patriotism, and Support for the European Union // Political Psychology. 2021. № 42. P. 995–1017. DOI: <https://doi.org/10.1111/pops.12731>.
11. Мартынов М.Ю., Фадеева Л.А., Габеркорн А.И. Патриотизм как политический дискурс в современной России // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 109–121. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.08>.
12. Schatz R.T., Staub E., Lavine H. On the varieties of national attachment: Blind versus constructive patriotism // Political psychology. 1999. Vol. 20. №1. P. 151–174.
13. Магарил С.А. Смыслы патриотизма – исторические трансформации // Социологические исследования. 2016. № 1 (381). С. 142–151.
14. Sekerdej M., Roccas S. Love versus loving criticism: Disentangling conventional and constructive patriotism // Br. J. Soc. Psychol. 2016. Vol. 55. P. 499–521. DOI: <https://doi.org/10.1111/bj-so.12142>.
15. Селезнева А.В., Антонов Д.Е. Ценностные основания гражданского самосознания российской молодёжи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 227–241. DOI: 10.17223/1998863X/58/21.
16. Goode J.P. Patriotic Legitimation and Everyday Patriotism in Russia's Constitutional Reform // Russian Politics. 2021. № 6 (1). Pp. 112–129. DOI: <https://doi.org/10.30965/24518921-00601007>.
17. Гуляева Л.В., Ефимова Г.З. Сравнительное исследование патриотических ориентаций молодёжи: региональная специфика // Siberian Socium. 2018. Т. 2. № 1. С. 53–73. DOI: <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2018-2-1-53-73>.
18. Мокерова Ю.В. Понятие Родины и представление о патриотизме у учащейся молодёжи (на примере Свердловской области) // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2022. № 4 (55). С. 39–49. DOI: <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2022.4.39-49>.
19. Маленков В.В. Патриотизм, гражданственность в политике и идентичности молодёжи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 120–131. DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863X/67/11>.

20. Семенов И.С. Гражданская идентичность как ресурс национального развития: доклад на Пятом Всероссийском конгрессе политологов. М., 2009. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Semenenko_RAPN.pdf (дата обращения: 01.04.2023).
21. Goode P. Everyday patriotism and ethnicity in today's // *Russia Before and After Crimea: Nationalism and Identity*, 2010–2017. Edinburgh: University Press. Pp. 258–281. DOI:10.1515/9781474433877-016.
22. Finell E., Zogmaister C. Blind and constructive patriotism, national symbols and outgroup attitudes // *Skandinavian Journal of Philosophy*. 2015. Vol. 56. № 2. Pp. 189–197.
23. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.

Correlation of Identity Structure and Patriotism Patterns among High School Students in Siberian Regions

Yaroslava Yurievna Shashkova – Dr. habil. (Political studies), professor, Department of Philosophy and Political Studies, Institute of Humanities, Altai State University, head of the project ‘Patriotic Education as a Factor in Building Civic Identity of Siberian High School Students within the Information Society’ (20-011-00346).

E-mail: yashashkova@mail.ru

Sergei Yurievich Aseev – Candidate of Science (History), associate professor, Department of Philosophy and Political Studies, Institute of Humanities, Altai State University, executor of the same project.

E-mail: suass@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the relationship between the structure of identities and patriotic models in the minds of school students in the regions of the Siberian Federal District. The theoretical basis of the study was both the concept of the "matryoshka" of identities and the theory of patriotism, considering its manifestations as a dichotomy of "blind" and "constructive", "emotional" and "activity" types. The empirical basis of the study was the results of longitudinal surveys of students in grades 9–11, conducted in 2020 in 10 regions and in 2022 in 4 regions of the Siberian Federal District. The use of cluster analysis made it possible to divide the studied population into 4 clusters: a cluster of "blind", "active" patriotism with a strong institutional component, "constructive" patriots, "loyalists" and "silent ones", determine the combination of identities corresponding to each cluster and trace their dynamics. As a result, conclusions were made about the decrease in the influence of the identity factor on the disengagement of young people in relation to patriotism and the possibility of reducing the indicated disengagements to the basic opposition of "patriots" and "non-patriots".

Keywords: patriotism, patriotic values and attitudes, identity, students, youth

REFERENCES

1. Titov V.V. K voprosu o konstruirovani natsional'no-grazhdanskoi identichnosti rossiiskoi molodyozhi v tsifrovuyu epokhu // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2020. № 57. S. 257–264. DOI: 10.17223/1998863X/57/24 (in Russian).
2. Ariely G. Why does patriotism prevail? Contextual explanations of patriotism across countries // *Identities*. 2017. № 3. Pp. 351–377. DOI: 10.1080/1070289X.2016.1149069.

3. Lu J. The Internet as a Context: Exploring Its Impacts on National Identity in 36 Countries // *Social Science Computer Review*. 2019. Vol. 37 (6). Pp. 705–722. DOI: 10.1177/0894439318797058.
4. Erez L., Laborde C. Cosmopolitan Patriotism as a Civic Ideal // *American Journal of Political Science*. 2020. № 64. Pp. 191–203. DOI: <https://doi.org/10.1111/ajps.12483>.
5. Kalkhun K. Natsionalizm. M.: ID «Territoriya budushchego», 2006 (in Russian).
6. Kozyrev G.I. Patriotizm i antipatriotizm kak prichiny konflikta identichnosti v sovremennom rossiiskom obshchestve // *Sotsiologiya*. 2020. № 2. S. 128–142 (in Russian).
7. Dirksmeier P. The relationship between patriotism and regional identification: a cross-country analysis // *The Annals of Regional Science*. 2022. DOI: 10.1007/s00168-022-01167-1 URL: https://www.researchgate.net/publication/362773749_The_relationship_between_patriotism_and_regional_identification_a_cross-country_analysis (data obrashcheniya: 03.04.2023).
8. Vagina V.O. Patriotizm vs natsionalizm v sovremennom rossiiskom obshchestve // *Caucasian Science Bridge*. 2021. T. 4. № 2 (12). S. 155–159. DOI: 10.18522/2658-5820.2021.2.15 (in Russian).
9. Kurnosov K.V. Vliyanie patriotizma na predotvrashchenie sotsial'no-politicheskikh konfliktov v sovremennoi Rossii // *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*. 2020. T. 3. № 7. S. 108–113. DOI: 10.34684/ek.up.p.r.2020.07.03.013 (in Russian).
10. Huddy L., Del Ponte A., Davies C. Nationalism, Patriotism, and Support for the European Union // *Political Psychology*. 2021. № 42. Pp. 995–1017. DOI: <https://doi.org/10.1111/pops.12731>.
11. Martynov M.Yu., Fadeeva L.A., Gaberkorn A.I. Patriotizm kak politicheskii diskurs v sovremennoi Rossii // *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2020. № 2. S. 109–121. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.08> (in Russian).
12. Schatz R.T., Staub E., Lavine H. On the varieties of national attachment: Blind versus constructive patriotism // *Political psychology*. 1999. Vol. 20. № 1. Pp. 151–174.
13. Magaril S.A. Smysly patriotizma – istoricheskie transformatsii // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2016. № 1 (381). S. 142–151 (in Russian).
14. Sekerdej M., Roccas S. Love versus loving criticism: Disentangling conventional and constructive patriotism // *Br. J. Soc. Psychol*. 2016. Vol. 55. P. 499–521. DOI: <https://doi.org/10.1111/bjso.12142>.
15. Selezneva A.V., Antonov D.E. Tsennostnye osnovaniya grazhdanskogo samosoznaniya rossiiskoi molodyozhi // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2020. № 58. S. 227–241. DOI: 10.17223/1998863X/58/21 (in Russian).
16. Goode J.P. Patriotic Legitimation and Everyday Patriotism in Russia's Constitutional Reform // *Russian Politics*. 2021. № 6 (1). Pp. 112–129. DOI: <https://doi.org/10.30965/24518921-00601007>.
17. Gulyaeva L.V., Efimova G.Z. Sravnitel'noe issledovanie patrioticheskikh orientatsii molodyozhi: regional'naya spetsifika // *Siberian Socium*. 2018. T. 2. № 1. S. 53–73. DOI: <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2018-2-1-53-73> (in Russian).
18. Mokerova Yu.V. Ponyatie Rodiny i predstavlenie o patriotizme u uchashcheisya molodyozhi (na primere Sverdlovskoi oblasti) // *Kazanskii sotsial'no-gumanitarnyi vestnik*. 2022. № 4 (55). S. 39–49. DOI: <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2022.4.39-49> (in Russian).
19. Malenkov V.V. Patriotizm, grazhdanstvennost' v politike i identichnosti molodyozhi // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2022. № 67. S. 120–131. DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863KH/67/11> (in Russian).
20. Semenenko I.S. Grazhdanskaya identichnost' kak resurs natsional'nogo razvitiya: doklad na Pyatom Vserossiiskom kongresse politologov. M., 2009. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Semenenko_RAPN.pdf (data obrashcheniya: 01.04.2023) (in Russian).
21. Goode P. Everyday patriotism and ethnicity in today's // *Russia Before and After Crimea: Nationalism and Identity, 2010–2017*. Edinburgh: University Press. Pp. 258–281. DOI:10.1515/9781474433877-016.
22. Finell E., Zogmaister C. Blind and constructive patriotism, national symbols and outgroup attitudes // *Skandinavian Journal of Philosophy*. 2015 Vol. 56. № 2. Pp. 189–197.
23. Ingkharth R., Vel'tsel' K. Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya. M.: Novoe izdatel'stvo, 2011 (in Russian).